

АЛЕКСАНДР НАДЕЖДИН

МИФ о СПРАВЕДЛИВОСТИ

или

ВСАДНИК НА ЗЕЛЕНОМ КОНЕ

Александр Надеждин

МИФ О СПРАВЕДЛИВОСТИ

«Автор»

2026

Надеждин А. Д.

**МИФ О СПРАВЕДЛИВОСТИ / А. Д. Надеждин — «Автор»,
2026**

Это книга о справедливости — не о той, что записана в законах, а о той, которая живёт в голове человека и управляет целыми эпохами. Отталкиваясь от простого вопроса — «что такое справедливо?» — автор постепенно вскрывает неожиданную и тревожную картину: справедливость оказывается не универсальной добродетелью, а сложной, противоречивой и во многом опасной идеей. Идеей, способной разрушать иерархии, запускать революции, менять экономические системы — и при этом подтачивать саму основу общества. Книга строится как серия интеллектуальных наблюдений, где философия переплетается с историей, политикой, религией, даже биологией. От «порядка клевания» у кур до Французской революции, от Евангелия до современных налогов — автор следит, как и какой ценой менялось понятие справедливости. В итоге, стремление к «справедливому распределению» оказывается не моральным достижением, а отчаянной попыткой избавиться от внутреннего дискомфорта зависти, вызванной неизбежным неравенством среди людей.

© Надеждин А. Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ПРОЛОГ: ОКРУЖЕННЫЕ ХАОСОМ	7
СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ИЕРАРХИЯ	9
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Александр Надеждин

МИФ О СПРАВЕДЛИВОСТИ

Посвящается светлой памяти рано погибшего историка и христианского философа-экумениста Владимира Сергеевича Соловьёва, написавшего «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это сборник статей о справедливости, такой как она встречается в различных обстоятельствах и интерпретациях людей нашего времени, принадлежащих к так называемой Западной цивилизации. К ней я отношу и Россию со своими сателлитами, которая со времени Императора Петра I строила себя по образцам заимствованным у стран-наследниц культуры Древнего Рима. Несмотря на многочисленные барьеры возникавшие на этом пути один за другим на протяжении последних трёхсот лет, вследствие географически и исторически обусловленных причин, Россия всё ещё формально опирается на систему европейских понятий и ценностей отличных от тех, что управляют общественным развитием на других континентах.

Справедливость известная нам – многозначное понятие, но различные применения этого термина в разных сферах физической и духовной деятельности, могут быть сравнительно легко поделены на два типа в соответствии с двумя различными переводами с русского языка на латынь: «Justitia» и «Aequitas». Первое из этих понятий относится к законам, управляющим обществом согласно установленным правилам навязанным сверху или добровольно принятым его членами. Так, например, оно характеризует систему наказаний или поощрений в условиях строго иерархических общественных организмов, как-то: в армии, в медицинском учреждении и так далее. Фокус в том, что эти правила известны и в устойчивом обществе почти неизменны, то есть каждый, в принципе, может с правилами ознакомиться до того, как придётся с ними столкнуться. Здесь это значение понятия справедливость, к сожалению, не является предметом подробного разбора.

Вместо этого в настоящем сборнике рассмотрены различные аспекты применения второго значения, то есть определения справедливости, принятого доминирующим направлением либеральной философии, которое в практической жизни рассматривает равномерное распределение материальных благ как идеал справедливого общества будущего, независимо от заслуг и достоинств конкретных индивидуумов. Этот идеал был и остаётся движущей силой революционных движений всей Новейшей истории, с их предсказуемо разрушительными последствиями для нашей цивилизации, как представляется автору.

Желаю приятного и занимательного чтения.

ПРОЛОГ: ОКРУЖЕННЫЕ ХАОСОМ

Чего в этой книге не будет, так это – чётких и окончательных определений обсуждаемых предметов. Тут дело не в их отсутствии в книгах других людей, а в том, что таких определений много и мой ум не справляется с задачей увязать их вместе с тем, чтобы хотя бы на время поверить, что я знаю, о чем говорю. То есть, конечно, знаю, но не «о чём», а именно «что»!

Дело в том, что понятие, рассматриваемое здесь, является чисто умозрительным, то есть не имеющим себе аналогов вне специфических условий человеческого существования, и при этом его практическое употребление в разнообразных ситуациях тянет за собой вереницу драматических последствий и по отношению к отдельным человеческим особям, и к малым и большим сообществам, и к взаимодействию между последними, и, даже, по отношению к окружающему миру, по крайней мере, физически достижимой его части прежде, теперь и в обозримом будущем.

Итак, основной предмет моего рассмотрения изобретён людьми для того, чтобы попытаться решить проблемы, возникающие между живущими вместе членами общества. Однако смысл, вкладываемый в это понятие различными авторами может быть разным и с различными последствиями соответственно. При этом всех нас окружает живая природа, вокруг неё при-

рода неживая, а далее космос, где быть может невидимо присутствует другой разум, подсказывающий нам подобные понятия.

Справедливость – термин на мой взгляд наиболее часто встречаемый в речах, разговорах, и спорах на темы политической экономии, в качестве оправдания принятых политических решений и как повод для начала политических кампаний в борьбе за власть на следующем витке истории.

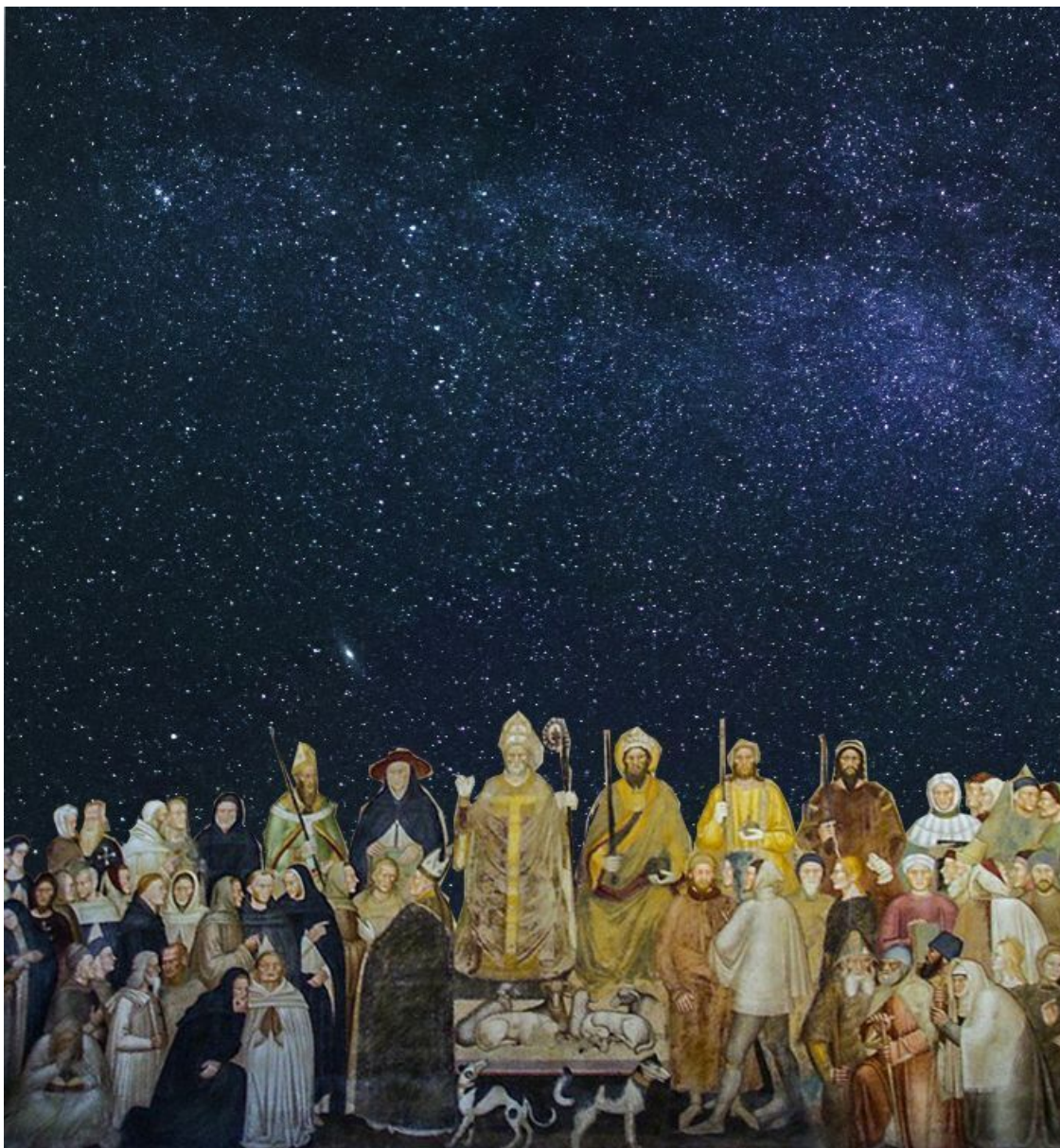
Этот термин в различных политических и даже бытовых контекстах не всегда, но часто соседствует с другим многозначным словом, «равенство», у которого также нет аналогов в описаниях живой природы, что по моему определению, относит его к категории умозрительных. И всё же для многих людей нашей культуры это понятие является очевидным и даже неотъемлемым от природы человека. Замечу здесь же, что так же как и справедливость, определение равенства в сознании разных людей отличается в зависимости от их представления о природе человека и об идеальном устройстве общества в согласии с этим идеалом.

Сам термин «равенство» помещён по милости отцов Французской революции между двумя распространёнными в природе явлениями, такими как «свобода» – инстинкт присущий всем животным вплоть до рыбы и лягушки и «братство» из категории терминов, описывающих зоологически распространённое микро-сообщество семьи.

Но именно справедливость, по-моему, занимает центральное место в строительстве отношений внутри человеческого мира, заключённого в оболочку хаоса, из которого, как можно вообразить, к нам приходят в виде сигналов инстинкты и эмоции, отчасти общие для всех животных, отчасти доступные только нам и нашим «разумным» предкам.

Одна из таких эмоций, причём непосредственно связанная с возникновением и развитием «института справедливости», это – зависть, к которой мы будем возвращаться в последующих текстах завершив этот сборник кратким обзором её истории и трактовки народами, населяющими Северо-Западный сегмент планеты Земля.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ИЕРАРХИЯ

Мы разбираем понятие «справедливость», которое часто встречается в лексике современного жителя Западной Европы, Северной Америки и России в качестве универсального термина для обсуждения и, если возможно, решения межчеловеческих, внутри- и межнациональных конфликтов.

Справедливость в окружающей природе...

Не зная наверняка, насколько это понятие является важным в других цивилизациях, существующих параллельно с нашей, или существовавших до неё, можно с большой степенью уверенности сказать, что никакого эквивалента для него не обнаружено в животном мире, в частности, у так называемых «общественных животных». Иными словами «справедливость»

изобретена или получена¹ людьми для удовлетворения своих нужд, выходящих за пределы дикой живой природы.

Начнём с открытия, сделанного норвежским зоологом, Торлейфом Шельдеррупом-Еббе в первой половине 20 века о наличии неукоснительно соблюдаемого порядка в получении корма и других важных условий жизни в сообществе домашних кур, где установившаяся иерархия, вполне соответствует праву более сильной особи над теми, кто слабее, и которое принимается всей группой не требуя регулярной демонстрации силы до тех пор, пока не произошла замена доминирующих членов по независимым обстоятельствам. Он назвал это важнейшее явление «Pecking order»², словами, ставшими нарицательными в нашем лексиконе.

Такая иерархия, распространяемая и на другие важные функции, как, например, доступность партнёров для размножения, забота о новорожденных и т. д., наблюдается и в других изученных группах общественных животных, включая приматов.

Отсюда можно предположить, что аналогичное устройство имело место и в группах предков современного человека, то есть первобытное сообщество управлялось согласно праву сильного. Благодаря наличию у «сапиенсов» когнитивных талантов это могло включать не только физическую силу, но и способность к стратегическому мышлению, а также накопленный опыт полезный для добывания еды, тепла, убежища и сопротивления внешним агрессорам. Таким образом институт «старейшин» можно было бы считать рудиментом племенного устройства в некоторых изолированных уголках Земли.

Нельзя не заметить, что и в современном цивилизованном сообществе, существующая неформальная иерархия напоминает тот же механизм, особенно, если группа, о которой идёт речь не слишком многочисленна, и отдельные члены мало отличаются друг от друга происхождением или социальным статусом.

Тем не менее поведение разнообразных и достаточно многочисленных сообществ, таких как клан, нация или население города, управляется согласно более сложным правилам, или законам, поддерживаемым подавляющим большинством членов в силу исторически, или психологически обусловленных связей в сознании.

Происхождение справедливости

Согласно древней литературе и открытиям археологов, универсальные правила и законы были изначально сформулированы выдающимися личностями: вождями, царями или пророками, на основании исторического опыта или, как некоторые верят, вдохновения, предполагающего существование высшего духовного начала. Это наследие находит свое обоснование в достаточно общем понятии «справедливость», воспринимаемом большинством людей как изначально данное, но, как я попытаюсь показать в последующих главах, определённое по-разному в разных цивилизациях и исторических эпохах.

С самого начала следует разделить две различные сферы применения этого термина, отвечающие двум аспектам общественного бытия. Первый, назовём его «справедливость первого рода» имеет дело с прямой или косвенной компенсацией человеку за нанесённый ему

¹ Как если бы наши установления морали и правил поведения были получены извне от некоего существа или существ, находящихся на более высокой ступени развития

² Буквально: порядок клевания.

ущерб другими, довольно однозначно описанный одной из десяти Заповедей Моисеевых: «око за око...». Эта форма справедливости лежит в основе судебной системы современного государства. Её обсуждение мне придётся оставить до другого подходящего случая.

Скажу лишь, что к нему непосредственно примыкает аспект «справедливого мщения», которое обычно не поощряется, но, возможно, негласно допускается законами у некоторых народов внутри и вне нашей цивилизации. И этот вопрос будет здесь оставлен почти без обсуждения, кроме замечаний в конце главы относительно «справедливых войн».

Справедливость распределения...

Другой аспект, назовём его пока «справедливостью второго рода», имеет дело с вопросом распределения общего достояния или благ между отдельными членами сообщества. Это – один из основных вопросов выживания и прогресса общественных отношений. Им мне и хочется заняться в последующих текстах, где этот род понятия «справедливость» будет для краткости называться просто справедливостью.

В этой книге я хотел сфокусировать своё внимание на идеях так называемой Новой Истории Западноевропейской цивилизации, то есть периода, начатого преобразованием общества заведомо иерархического и управляемого в значительной степени правом сильного в форме абсолютизма в общество, где права стоящих на более низких ступенях общественной пирамиды приобретают вес и в общественном развитии и в уточнении понятия «справедливость». Примечательно мнение, высказанное одним из теоретиков современного права, Дэвидом Юмом о том, что справедливость не является естественной добродетелью, а появляется в результате соглашения между членами цивилизованного общества.³ Но об этом – позже.

Хочу ещё раз подчеркнуть, что в обществе, полностью подчинённом праву сильного, «справедливость второго рода» является бесполезным понятием или фактором. Таким образом, её возникновение должно быть синхронно обусловлено возникновением законов, ограничивающих взятое из мира животных «право сильного».

Другой важный фактор здесь это – способность отдельного человека анализировать окружающие явления и, соответственно, реагировать на установившиеся для него условия существования, в сравнении с окружающими, включая разницу в происхождении и в индивидуальных способностях других членов, дающую преимущество при получении имеющихся благ. Реакция человека может выражаться в виде рациональных идей и в виде иррациональных эмоций, создающих стимул к творческому осмыслению происходящего и подчинению установленному порядку или протесту против него.

Стимул для установления справедливости

Одной из ключевых эмоций, возникающих в результате сравнения, следует считать спонтанно возникающую зависть, которая, как мы увидим, находится в тесном взаимодействии с понятием справедливость, особенно если зависть касается распределения материальных благ или участия в управлении между соседями или стратами (классами) людей.

Другие проявления зависти касаются способностей или талантов, индивидуальной удачи или чьей-то благосклонности к объекту. В этом случае приходится на уровне эмоций принять врождённое неравенство, что для некоторых индивидуумов является камнем преткновения,

³ [David Hume](#). *Essays: Moral, Political and Literary*, Oxford, 2022

или говорить о несправедливости в эзотерическом смысле, как сделал Антонио Сальери в пьесе Пушкина: «Все говорят: нет правды на земле, но правды нет и выше»⁴

Итак, бередящая душу зависть должна быть или подавлена тем, кто её испытывает, или удовлетворена каким-либо действием или фундаментальным изменением общественного статуса. В первом случае человек ощущает мешающий его жизни дискомфорт, во втором – меняются внешние обстоятельства, устраняя или ослабляя причину зависти.

Справедливость и иерархия

Для нормального существования любое сообщество, в том числе куры и приматы, нуждается в периодах стабильности, которая достигается, например, с помощью последовательного соблюдения «права сильного».

Однако в ситуации когда племени, обладающему исторической памятью, приходится приспосабливаться к меняющимся климатическим условиям, наличию воинственных соседей или миграции зверей и птиц - источников пропитания, человеческие существа способны отвечать применением обнаруженных у себя когнитивных способностей и индивидуальных талантов, что неизбежно должно приводить к образованию независимо существующих иерархий в смысле полезности неравных способностей в различных сферах деятельности и, соответственно, признания старшинства в том или ином направлении.

Такие иерархии могут существовать сами по себе, но, начиная пересекаться, приводят к противоречиям между людьми, находящимися на разных ступенях различных иерархий. В результате может возникнуть зависть к преуспевшему в каком-либо деле независимо от его позиции в других иерархиях. При классическом феодализме⁵, общественная пирамида разделена на слои-классы практически без возможности обмена между ними. В таком обществе зависть к вышестоящему слою подавлена законом и обычаем, пока ощущение и требование равенства не привносится дальнейшим усложнением делений и ассоциаций.

Достаточно ранний пример зависти и неприязни к представителю вышестоящего слоя приведён в повести «Юность» графа Льва Николаевича Толстого, где описан его университетский товарищ из разночинцев, то есть из низшей категории «образованного» общества, которая в силу полученного образования и возросшей роли в культурном и технологическом развитии государства, набирала силу требовать себе соответствующего места среди избранных.

Идём дальше: ощущающий «зависть» может предпочесть заменить это слово на «несправедливость», что, по крайней мере в его собственном сознании звучит благовиднее, будучи связано с безличными обстоятельствами, существующими на данном этапе развития. Таким образом, осознанная несправедливость деления на классы воспринимается как препятствие для индивидуального счастья у определённых членов общества. Это соображение позволяет мне охарактеризовать дихотомию справедливость – несправедливость, как один из основных двигателей нашей цивилизации на пути к упразднению социального неравенства.

Так понятие «справедливость» становится чуть ли не высшим критерием морального поведения в глазах идеологов и сторонников современного патерналистского государства.

⁴ А. С. Пушкин «Моцарт и Сальери», Литрес, 2018

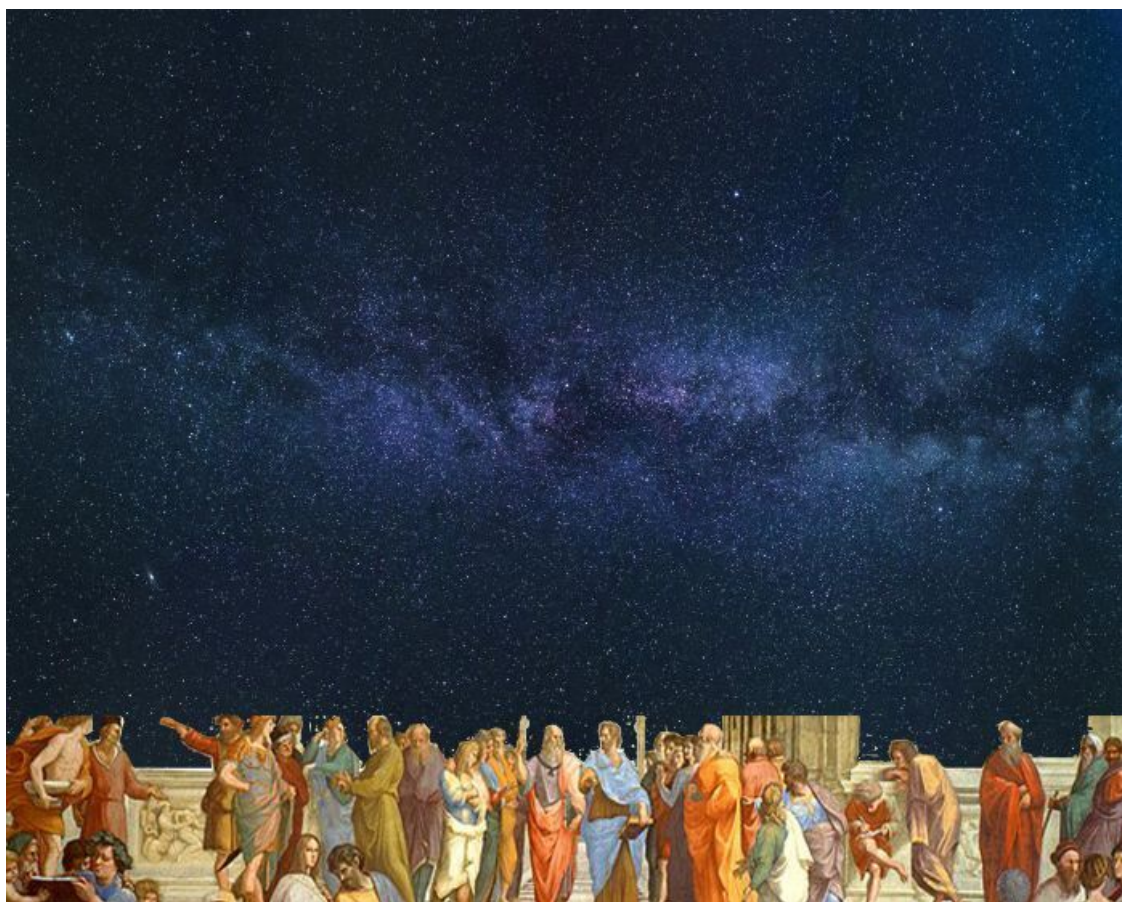
⁵ В других цивилизациях это могут быть касты, где люди и их положение, достаток и образ жизни считаются врождёнными

Рассматривая зависть как отрицательное явление в индивидуальных и общественных отношениях, доминирующие идеологии, могут осуждать и искоренять зависть с помощью воспитания и порицания от имени верховного существа, как это происходит в странах, где общество существует под эгидой католического⁶ христианства или ислама.

Там же, где за основу полагается атеистический, рациональный взгляд на общественное развитие, социальная зависть между различными слоями населения преодолевается введением или, по крайней мере, обещанием более справедливого распределения сначала возможностей, а затем и непосредственно доступных благ, о чём и пойдёт речь в последующих главах.

Закончу здесь полушутливым замечанием, что «pecking order», унаследованный от первобытного общества людей, отделившихся от мира животных, христианство обещает заменить обратным этому порядку принципом в «следующей жизни», а именно, согласно Иисусу: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное»⁷.

ЧТО
ТАКОЕ
СПРАВЕДЛИВОСТЬ
?

⁶ Ортодоксальное христианство традиционно занимает здесь иную позицию (см. последнюю статью в этом сборнике)

⁷ Евангелие от Матфея 5:3-14

...where is no property, there is no justice
David Hume

Несмотря на уже упомянутую трудность однозначного определения понятия справедливость, попробуем подойти к нему поближе вслед за многочисленными попытками философов и других умных людей. Термин справедливость, не относящийся непосредственно к судопроизводству⁸, стал практически обиходным и употребляется в массе весьма далёких друг от друга ситуаций: от получения оценки за школьное сочинение, до распределения продуктов питания в общине с ограниченными средствами к выживанию.

Справедливым хочет быть король в наказании или награждении подданных. Сам же он ждёт «справедливой», то есть по его мнению положительной, оценки своих решений потомками. О справедливости умоляют низы общества, требуя себе вознаграждения за труд и страдания, о справедливости твердят и их угнетатели, ссылаясь на своё благородное происхождение и ратные подвиги, и так далее.

Разумеется, это слово является ключевым при обсуждении экономических законов и предполагаемых путей развития человеческого общества, включая благосклонно воспринимаемые призывы политических деятелей к построению «справедливого общества»⁹. И при этом мало кто из говорящих или слушающих задумывается, так ли, как на первый взгляд кажется, достижение справедливости согласуется с законами морали (или доминирующего религиозного учения¹⁰).

Это, конечно, не праздные вопросы в особенности для русского интеллигента, вынужденного постоянно оглядываться на устные, письменные и даже мысленные ссылки на справедливость, как одно из основных требований русского человека к соседям, к обществу, к властям предрежащим, и даже к окружающим народам.

Что говорит религия?

Рассмотрим притчу, рассказанную Иисусом своим ученикам¹¹ о том, как хозяин виноградника нанимал работников для уборки урожая в течение дня, а затем заплатил каждому по динарию независимо от того, кто сколько времени работал. Когда, ссылаясь на очевидную для них несправедливость, нанятые в самом начале потребовали большей платы, чем другие, нанятые в конце рабочего дня, хозяин спросил: – «кто вы такие, чтобы указывать мне сколько я должен кому платить?» тем самым отказавшись принять независимое или общепринятое с точки зрения недовольных работников, понятие справедливости за фундаментальный принцип.

Таким образом, Иисус прямо говорит, что хозяин, он же Господь, платит всякому по своему усмотрению, не заботясь о справедливости, как её понимает простой человек. Да и при раздаче ума, способностей или даже простого везения, что-то мы не видим примеров дистрибутивной справедливости у Природы, а для религиозного человека – у Господа.

⁸ Здесь мы имеем дело с другим значением того же слова

⁹ «Just society» с помпой провозглашённого премьер-министром Канады Пьером Трюдо, который даже назвал своего сына именем Justin – «справедливый» в переводе на русский

¹⁰ Так, например, требование справедливости распределения, которое часто эквивалентно желанию «отнять и поделить» прямо противоречит 10-й заповеди Моисеевых законов: - «не пожелай...»

¹¹ Евангелие от Матфея: [Matthew 20:1-16](#)

Обращаясь к другой ветви монотеизма: насколько я мог понять из объяснений образованного мусульманина, понятие справедливости связано прежде всего со справедливостью по отношению к Господу и по отношению к себе, то есть к собственной душе. Последнее означает необходимость соблюдать заповеди Пророка и, в частности, при наличии излишков, отдавать окружающим, особенно, нуждающимся, определённую часть своего достояния. Иными словами, добровольно заниматься благотворительностью.

Процент, подлежащий раздаче, невелик и, как правило, не идёт в сравнение с размерами налогов, налагаемых с целью достижения «социальной справедливости» современным государством на так называемых «богатых»¹².

В обоих случаях, справедливость в распределении благ не является фундаментальным мотивом морального поведения, таким как доброта, любовь к ближнему и благодать, то есть те качества, которые по-английски описаны ёмким понятием «virtue». Зададим вопрос: каким образом понятие справедливости – «front and center» современной общественной морали – потеснило традиционные моральные принципы, дошедшие до нас из глубины веков, принципы иногда даже прямо противоречащие легитимности этого нового понятия и постулата?

Справедливость и конкуренция

Справедливость в царстве природы отсутствует вследствие описанной Дарвином беспощадной конкурентной борьбы за существование вида в каждой отдельно взятой биологической системе, иногда дополненной внутривидовым соблюдением «pecking order».

Существуют конечно такие сложные явления, как симбиоз различных видов животных и растений, разделяющих среду обитания, но если выражаться антропоморфным языком, мы видим сосуществование без попыток перераспределения, похожее на капиталистические рыночные отношения.

В последнем примере неожиданно всплывает ущербность идеи справедливости между конкурентами, так как она является несправедливостью по отношению к покупателям и клиентам и, соответственно, противоречит антимонопольному законодательству.

Можно было бы даже предположить, что особенность принципа справедливости заключается в том, что, справедливость, достигнутая какой-то группой людей, оборачивается несправедливостью по отношению к другой группе, сосуществующей с первой.

Опыт производственных отношений

В знакомом мне современном капиталистическом производстве, коллективный договор, заключённый профсоюзом для внедрения специфических требований справедливости на предприятиях с большим числом рабочих, выполняющих похожие функции, часто уступает место принципу индивидуальных контрактов администрации с каждым из работников при сохранении тайны договорной платы.

В этом случае идеологически обусловленная справедливость заменяется рыночной стоимостью данного типа труда, то есть объективно сложившимся равновесием в развитом капи-

¹² В зависимости от аппетитов правителей, богатыми могут объявить до половины населения, тем самым ведя к 50% расколу общества.

талистическом обществе, то есть справедливостью получения благ в соответствии с затраченными усилиями (смотри ниже об Аристотелевом определении справедливости).

Необходимым в данном случае является сохранение в тайне результата конкретных переговоров для того, чтобы избежать большого для некоторых вопроса об универсальной справедливости, долженствующей существовать вне зависимости от состояния экономики и воли конкретных работодателей.

Имеет место и обратный процесс создания профсоюзов вопреки желанию работодателей, часто поддерживаемый правительством и его законами. Эти законы изобретают и принимают поборники модели социального прогресса, основанной на их собственных представлениях о социальной справедливости. Они ссылаются на право объединения в организации, но как правило отрицают сопутствующее условие добровольности каждого участника.

Социальное неравенство и справедливость...

Иерархия и неравенство были нормой на протяжении почти всей истории нашей цивилизации. Можно было бы даже предположить, что они являются её фундаментом. С момента основания, в Риме возникло просуществовавшее тысячу лет деление граждан на патрициев и плебеев, каждая группа со своими традиционными правами без ссылок на абстрактную справедливость.

Среди многочисленного войска Карла Первого, Шарлеманя, более тысячи лет тому назад нашлось всего пару сотен ближайших соратников, которые образовали европейскую аристократию, дошедшую в почти таком же составе до наших дней¹³. Она разбавлена своими или пришлыми нуворишами, или гениями в какой-то сфере творчества, но мне кажется тут стоило бы покопаться в истории их семей, чтобы решить так ли уж случайно их происхождение.

¹³ Anthology of Medieval Literature, Foreword by Rebecca Back Manor, Amazon, 2013

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.